

кин, а затем и безобразовцы. Но едва ли не самым важным стал фактический крах виттевской мирной экономической экспансии и тот тупик, в который она зашла к концу 1897 г.: после японо-китайской войны 1894–1895 гг. правители Поднебесной пришли в себя от страха и перестали отступать. По сути М.Н. Муравьев оказался прав – чтобы добиться от Китая дальнейших уступок, нужны были новые, силовые рычаги давления. Наконец, обстоятельства захвата Порт-Артура и Даляньваня не подтверждают справедливость обвинений С.Ю. Витте в адрес М.Н. Муравьева: «славу» и ответственность за договор об аренде Ляодунского полуострова министру финансов следует разделить с главой внешнеполитического ведомства как минимум пополам.

6.2. После Порт-Артура

В целом, к лету 1898 г. казалось, что дела России на Дальнем Востоке идут как нельзя лучше. В ответ на договор об аренде Ляодуна англичане пробовали протестовать, требуя предоставления себе на таких же условиях порта Вэйхайвэй, но Пекин уклонился, заявив, что пока там японцы, разговора об аренде быть не может¹²³. Англия сталкивалась в Китае со всё новыми проблемами. Так, летом 1898 г. Лондон безуспешно протестовал против бельгийского синдиката (за которым стояли французы), получившим концессию на железную дорогу Пекин–Ханькоу. Она стала поводом для увольнения Ли Хунчжана из цзун-ли-ямыня 26 августа 1898 г. – за то, что он скрыл от богдыхана ноту английского посланника при представлении ему контракта на эту трассу¹²⁴. Впрочем, для Ли Хунчжана эта опала оказалась недолговременной, так как в Китае произошли важные внутривнутриполитические события.

«Эпидемия» аренды портов иностранцами, сильное давление западных держав и вынужденные значительные уступки им Пекина вызвали в Китае внутривнутриполитический кризис. Старая элита как явно не справлявшаяся с вызовами времени попала под огонь критики, к власти в Поднебесной пришли реформаторы во главе с Кан Ювзем. Их лидер в 1898 г. получил доступ к императору Гуаньсюю и убедил его инициировать целую серию преобразований в управлении и образовании по японскому образцу. В результате наметилось противостояние реформаторов и «маньчжурской партии» из старых чиновников во главе с императрицей Цыси (князь Цин, Жун Лу и др.). Вопрос о реформах осложнялся ещё и тем, что Кан Ювэй открыто симпатизировал японцам. Но сближение с Токио не состоялось. 29 августа 1898 г. в Пекин прибыл Х. Ито с проектом японо-китайского союза. Однако двор принял его холодно,

¹²³ Японцы покинули Вэйхайвэй 11 мая 1898 г. Там сразу же были подняты китайский и британский флаги: Лондон получил этот порт на правах аренды.

¹²⁴ А.И. Павлов – в МИД 27 августа 1898 г. // АВПРИ. Ф.133. Оп.470. 1898 г. Д.81. Л.112.

соглашения с Токио он заключать не собирался, тем более на японских условиях. В это же время продолжалась лихорадочная законотворческая деятельность реформаторов, они представляли на подпись императору до 14 указов в день. Но дело шло с большим трудом из-за сильного сопротивления консерваторов. Наконец, в начале сентября император решился на организацию государственного переворота, для этого он избрал своей опорой командира дивизии в Тяньцзине Юань Шикая. Гуаньсюй оказался плохим заговорщиком: вместо того, чтобы исполнить его приказание и двинуть свою часть в Пекин, Юань Шикай сообщил обо всём Жун Лу. Сразу же в известность была поставлена императрица, она действовала не в пример решительнее и быстрее своего племянника: Гуаньсюя немедленно поместили под домашний арест. 5 сентября Кан Ювэя также отстранили от власти. Вскоре двор объявил о раскрытии «заговора» и аресте «реформаторов». Лидеры Кан Ювей и Лян Цичао сумели скрыться, однако шестерых их единомышленников схватили и казнили без суда. 9 сентября императора вынудили выпустить указ, призывавший Цыси участвовать в государственных делах, уже 11 сентября состоялась церемония возвращения регентства. Гуаньсюя совершенно удалили от дел под благовидным предлогом: к тому времени он действительно тяжело болел¹²⁵. 15 сентября 1898 г. в Пекине был опубликован указ об отмене всех реформ и возвращении к старым порядкам¹²⁶.

Конечно, расстановка сил в правящих кругах изменилась. На первое место среди сановников вышел Жун Лу. Ли Хунчжан с задержкой, но всё-таки вернулся к власти в ноябре 1898 г. Правда, ему поручили безнадежное дело: благоустройство русла реки Хуанхэ при отсутствии в казне денег на это. На столь масштабные работы требовались колоссальные средства (не менее 100 млн. франков). Престарелый сановник обратился с просьбой о займе в Русско-Китайский банк¹²⁷. Банк (то есть, С.Ю. Витте) обставил выдачу кредита такими условиями, которые не устроили китайца. Он стал искать деньги в других местах, в частности, просил помощи у своего давнего знакомого А.Д. Старцева (и ранее изыскивавшего их для Ли Хунчжана). А.Д. Старцев выразил готовность предоставить просителю несколько миллионов лан из

¹²⁵ Императора освидетельствовал французский врач, который нашёл у него больные почки, воспаление лёгких и сделал вывод, что жить Гуаньсюю осталось не более полугода (Медицинское заключение о состоянии здоровья богдыхана 26 октября 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.120. Л.48–50). Сам факт приглашения к «сыну неба» заморского доктора носил беспрецедентный характер, это было сделано явно для того, чтобы подготовить Европу к естественной смерти императора. Однако, несмотря на неутешительный диагноз, Гуаньсюй прожил ещё 10 лет и скончался 14 ноября 1908 г.

¹²⁶ Брандт Я.Я. Вдовствующая императрица Цыси и император Гуаньсюй. Харбин, 1909. С.7–11.

¹²⁷ Д.М. Позднеев – С.Ю. Витте 5 ноября 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.107. Л.7–11.

личных средств, но его смущала позиция Русско-Китайского банка. Конечно, этого было явно недостаточно. Для Петербурга же вопрос стоял так: нужен ли ему Ли Хунчжан, если да – то ему следовало помочь. Д.М. Позднеев полагал, что нужен: «Что же касается задач наших в Китае, то доселе, по-видимому, проведена в исполнение их меньшая часть»¹²⁸. Но обстоятельства изменились: похоже, с занятием Порт-Артура и обретением незамерзающего порта министр финансов окончательно свернул свою некогда огромную программу, поэтому на просьбы Ли Хунчжана не отреагировал. Если же С.Ю. Витте по-прежнему стремился бы к широкой экспансии в Китае, такой заём мог послужить удобным рычагом для получения новых концессий, как это было с несостоявшимся кредитом Китаю в 1897–1898 гг. Однако совсем от активной политики России в Китае министр финансов не отказался. Так, он категорически не согласился с мнением А.Н. Куропаткина, считавшего «весьма нежелательным и опасным для России в военном отношении» участие в железнодорожных предприятиях в Южном Китае. Министр финансов возразил: «Я этого не разделяю и не вижу, чтобы участие наше в юж[ных] ж[елезных] дорогах могло оказать беспокойствие. Всё зависит от характера и роли участия»¹²⁹. Это были уже чистые декларации: для проведения масштабных действий требовались такие средства, которых не было в русской казне, сильно «похудевшей» в связи с необходимостью достройки Сибирской железной дороги и сооружения КВЖД и, а также резко осложнившихся условиях получения кредитов на международном рынке. С.Ю. Витте, не отказываясь на бумаге от своих прежних замыслов, сосредоточился на Маньчжурии. Возможно, он и сохранил что-то из прежних планов экономического господства во всём Китае, но в дальнейшем министр финансов предпочитал вспоминать о них всё реже и реже.

Впрочем, иногда такое случалось, например, в начале 1900 г. в связи с всеподданнейшим докладом А.Н. Куропаткина «О задачах русской армии в XX веке». Этот документ военный министр представил С.Ю. Витте для изучения и критических замечаний, которые в виде маргиналий на полях были предъявлены Николаю II¹³⁰. Сразу бросается в глаза разное понимание са-

¹²⁸ Д.М. Позднеев – С.Ю. Витте 20 декабря 1898 г. // Там же. Д.128. Л.81–88.

¹²⁹ Проект инструкции второму военному агенту России в Китае, направленный А.Н. Куропаткиным С.Ю. Витте 19 января 1900 г., с пометами министра финансов // Там же. Оп.28. Д.3. Л.1. Несмотря на возражения С.Ю. Витте, военный министр сохранил фразу о нежелательности России участвовать в железнодорожных предприятиях Южного Китая, хотя и отредактировал текст (Л.23–25).

¹³⁰ Он сохранился минимум в двух экземплярах: подлинном (ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.445) и копии, снятой для С.Ю. Витте и находящейся в его личном фонде (РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.269). В копии были воспроизведены все маргиналии на полях, сделанные министром финансов. Правда, некоторые из них он перечеркнул. В частности, пострадало замечание о том, что Россия «исторически» будет двигаться на юг Китая (Там же. Л.55).

новниками роли России в мире. Если А.Н. Куропаткин предстал фаталистом, предлагавшим приспособляться и уповать на благоприятный исход событий, то С.Ю. Витте был уверен, что всё в их руках. Два министра полностью сошлись в том, что для России крайне нежелательна война в Европе, будь то конфликт с Германией или Австро-Венгрией¹³¹. Кроме её тягостей, по признанию генерала, столкновение, например, из-за черноморских проливов немедленно осложнило бы отношения с Китаем и Японией¹³².

Расхождения начались, когда речь зашла о политике России на Востоке. В отличие от А.Н. Куропаткина, допускавшего возможность занятия Россией одного Босфора без конфликта и установления господства в Персии, С.Ю. Витте отнёсся к этому предположению скептически, полагая, что это либо несбыточные желания, либо (в случае с проливами) пролог кровавой войны¹³³. Однако два министра сошлись на желании соединить российские и английские железные дороги в Средней Азии и Индии, чтобы мирно разграничить сферы влияния в Афганистане¹³⁴. Угрожать Индии С.Ю. Витте не намеревался¹³⁵. Аналогичное мнение сложилось относительно Кореи, где министры дружно признали, что Россия не готова играть активную роль в королевстве¹³⁶. Однако они вновь разошлись, как только речь зашла о Китае. А.Н. Куропаткин предлагал ограничиться Северным Китаем, чтобы не конфликтовать там с другими великими державами. Сфера его активных интересов сосредоточилась преимущественно в районе черноморских проливов и Персии. С.Ю. Витте ответил коллеге длинной маргиналией: «Мы историческим путём будем идти на юг. Из-за Маньчжурии не стоило и огород городить. Весь Китай, все его богатства находятся преимущественно на юге. Но, конечно, это дело будущего»¹³⁷. Далее сановник уточнил своё видение дальневосточной политики: «Маньчжурию мы не захватывали. И было бы лучше, если бы мы ничего не захватывали, а борьбу за рынки предоставили бы торговле. Мы прошли всю Маньчжурию без всякого захвата, и М[инистерство] ф[инанс]ов только и просило, чтобы ничего не захватывали, а представи-

¹³¹ ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.445. Л.22 об. – 24 об.

¹³² Там же. Л.51.

¹³³ Там же. Л.26–28 об., 36.

¹³⁴ Там же. Л.32.

¹³⁵ Там же. Л.37.

¹³⁶ Там же. Л.33 об.

¹³⁷ Там же. Л.33. Не следует воспринимать эту помету С.Ю. Витте как изложение его текущих намерений двигаться на юг Китая, как её понял Б.А. Романов (Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.80). Кроме того, историк почему-то опустил последнюю фразу виттевской маргиналии о том, что это «движение на юг» – «дело будущего».

ли действовать торгово-экономическому влиянию»¹³⁸. То есть, в начале 1900 г., ещё до боксёрского восстания С.Ю. Витте по-прежнему намеревался действовать в Китае экономическими рычагами, он лишь сократил сферу своей активности из-за ограниченности ресурсов. Напоминание же о «пути на юг» выглядит скорее как эмоциональная реакция, нежелание отказываться от былых мечтаний, чем продуманный план действий. Однако все планы перевернуло боксёрское восстание 1900 г.

¹³⁸ ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.445. Л.52.